

Валдемар Люфт

Стройбат

Ноябрь на юге Казахстана чаще всего бывает тёплым. Вот и сегодня было тепло. Со стороны Мойымкума дул лёгкий ветерок. Яркая, вновь народившаяся, полная луна освещала ночь. Ночную тишину иногда разрывал лай собаки или чей-нибудь беспокойный голос. Остатки пожелтевших листьев нехотя падали на стоявшую под дощатым забором скамейку. Когда ветер усиливался, листья, как будто вспомнив, что им надо быть давно внизу, срывались с веток большими партиями и косо неслись к земле.

Коля сидел на скамейке и время от времени смахивал с головы и плеч упавшие на него листья. Он сидел здесь уже больше часа, но та, кого он ждал, видимо, не собиралась приходить. Обидно. Это был его последний вечер дома. Завтра с утра на призывной пункт в военкомат. Он дружил со многими девушками, но настоящей дружбы ни с кем не получалось. Хотелось, конечно, уйти в армию и знать, что дома тебя ждёт невеста, получать от неё письма и самому писать ей. Та, кого он ждал, в принципе, не очень нравилась ему и в глубине души он был даже рад, что она не пришла. Та же, кто была по душе, о ком он мечтал ночами, которая

была для него лучшей из лучших, жила за тридцать километров и при последней встрече дала понять, что безразлична к нему, и оборвала всякую связь с ним. Коля встал со скамейки. Было совсем поздно. Друзья, которые приходили к нему на проводы, наверное, уже спали. Да и ему пора идти домой. Надо будет рано вставать и не мешало бы перед дальней дорогой немного поспать.

Утром начались прощальные хлопоты. Как обычно, в последний момент терялись самые нужные вещи. Не могли найти деньги, которые мать приготовила Коле на дорогу. На плите пережарилось сало. Закипел чайник, но чай забыли заварить. Приехал дядя Гена на машине с будкой. Глаза с похмелья у него были красные и припухшие, но похмеляться он не стал. За рулём. Он только выпил стакан холодной воды, в которой разбавил ложку пищевой соды. Наконец, завтрак пришёл к концу. Коля обнял брата и сестрёнку, прижался напоследок к матери, сбегал в соседний двор к бабушке и дедушке. Бабка всплакнула, а дед, как обычно, сдержанно и строго пожелал хорошей дороги и сунул в Колину ладонь аккуратно сложенную двадцатипятирублевую бумажку. Отец ехал до военкомата и уже сидел рядом с дядей Геной в кабине. Коля и его два друга, которые тоже шли в армию, залезли в будку. Взревел мотор и, пару раз газанув, машина, переваливаясь на ухабах

и поднимая пыль, тронулась к центральной улице. Через маленькое окно в будке Коля видел, как удалялся угол его дома и три карагача во дворе. Когда выехали на асфальт, не стало так трясти. Андрей, с которым Коля дружил ещё с детства, достал из своего рюкзака бутылку «Вермута», ловко снял пробку, отхлебнул три глотка и протянул её Коле.

— Я, наверное, попаду в танковые войска. После школы механизации все туда попадают, — сказал он с чувством превосходства.

— А я просился в десантники, но на комиссии сказали, что из-за моего перелома ноги я не гожусь туда, — поддержал разговор Виктор. — Скорее всего, в пехоту попаду.

— Я думаю, что для танковых войск и для пехоты уже поздно, — вмешался в разговор Коля, — как бы мы в стройбате не оказались.

— Не каркай. В прошлом году моего двоюродного брата забрали в декабре, оказался потом в Польше, в артиллерийском батальоне. Эх, неплохо было бы за границу попасть!

Наполовину пустая бутылка снова вернулась к Андрею. Он вновь отхлебнул из неё несколько глотков.

— Ну что, пришла вчера Нинка? — спросил он Колю.

— Нет.

— Я был уверен, что она не придёт. Она же встречается с Гелани. Ты не знал об этом?

— Нет, не знал. Да и чёрт с ней. Мало девчат, что ли?

Машина сбавила скорость. Видимо, въехали в город. Коля выглянул в окошко. Слева проплыли строения сахарного завода, поликлиника. Тряхнуло на переезде, короткий пустырь и пошли многоэтажки западного микрорайона. Допили вино. Машина медленно куда-то завернула, остановилась, дёрнулась и, сдав несколько метров назад, замолкла. Щёлкнула щеколда на будке, дверь отворилась. Дядя Гена крикнул в будку:

— Выходите, приехали.

Все трое по очереди спрыгнули на землю. До военкомата было недалеко. Оттуда доносился шум. Играла гармошка. Когда друзья подошли к толпе, ворота военкомата открылись, вышел прапорщик и громко прокричал:

— Всем призывникам пройти во двор военкомата. Провожаящим оставаться за воротами.

Коля не знал, то ли ему сейчас прощаться с отцом, то ли будет для этого ещё время. На всякий случай обнял отца. Тот молча похлопал его по плечу и, скрывая слёзы, отвернулся.

Во дворе военкомата призывников уже строили в две шеренги. Они неумело выстраивались в ряд. Многие были навеселе. Кое-кто пытался

шутить. Прапорщик стоял в стороне и невозмутимо смотрел на эту беспорядочную толпу. Из здания военкомата вышел капитан. Прапорщик подтянул португеею и скомандовал:

— Тихо! Равняйся, смирно!

Он мгновение подождал, пока шум постепенно сошёл на нет, с шиком подошёл к капитану, козырнул, проговорил что-то скороговоркой и отступил в сторону. Капитан прошёл несколько метров вдоль строя, брезгливо осматривая неровную шеренгу, рюкзаки и сумки у ног, клеши и дудочки, остроносые туфли и замысловатые причёски.

— Проверить по списку, — приказал он прапорщику и вошёл в здание военкомата.

Прапорщик взял у своего помощника папку, вынул список и начал читать. Из шеренги доносилось «Здесь», «Я», кто-то истошно крикнул: «Я тут». В шеренге засмеялись. Через высокий забор было видно, как к воротам задом сдавали два автобуса. Закончив читать, прапорщик вложил список снова в папку. Два сержанта прошли к воротам и открыли одну половину. Прапорщик скомандовал: «Направо, к автобусам шагом марш». Неровная шеренга двинулась к автобусам. Сначала был ещё порядок, но неожиданно шеренга распалась и толпа кинулась занимать лучшие места в автобусе. Сержанты пытались как-то

регулировать поток людей, но и они отступили, предоставив хаосу править свой бал. Колю в дверях сильно сдавили, у него затрещала куртка на швах, но всё же и его толпа впихнула в автобус. Он занял место посередине автобуса и пытался глазами найти отца и дядю Гену. Те стояли под деревом. Коля стукнул в окно несколько раз ладонью и крикнул: «Папа, папа». Отец увидел его и помахал в ответ рукой. Рядом кто-то пытался сесть на сиденье, но Коля выпихнул его.

— Занято, — сказал он и крикнул в сторону двери, — Андрей, где ты?

— Я здесь.

Голова Андрея просунулась между двумя животами, потом появилась его рука. Он схватился за стойку, подтянулся и, оставив животы позади себя, вдруг оказался внутри автобуса. Плюхнувшись рядом с Колей и бросив под ноги свой рюкзак, он грязно ругнулся, и устало отвалился на спинку.

Наконец все призывники разместились в автобусах. В каждый из них сели по два работника призывного участка, двери закрылись, и автобусы, важно переваливаясь на кочках, медленно тронулись от ворот военкомата. Из толпы провожающих неслись последние прощальные слова, кричали из автобуса, и в этом шуме никто никого не слышал. Кто-то открыл узкую форточку

и пытался в последний раз дотянуться до руки своей девушки. Коля ещё раз помахал отцу. Поднявшаяся пыль скрыла толпу. Автобусы вывернули на центральную улицу и понеслись к выходу из города. Проехали мимо районной больницы, дежурного магазина на перекрёстке, тряхнуло на переезде. Автобусы выехали на автотрассу и стали набирать скорость.

По мере того, как удалялся город, стихал шум в автобусе. Уставшие после шумных проводов, кто больной с похмелья, кто успевший похмелиться, призывники молчали или же тихо обменивались словами с сидевшими рядом. Коля тоже молчал. Было тяжело на душе. Он не так часто уезжал из дома и всегда, если он был далеко от дома, ему было тоскливо. С одной стороны, он был рад, что не нужно будет рано вставать на работу. Не надо будет вечером помогать родителям кормить домашнюю скотину, выгребать грязь из свинарника и коровника. Но теперь ему страшно захотелось назад к своей матери, к своей скандальной сестрёнке и к вечно занятому чтением братишке. Андрей расслабился и заснул. Автобус ровно шёл по асфальту, обгоняя иногда какой-нибудь транспорт. Впереди рядом с шофером сидел прапорщик и что-то доказывал тому. Начало припекать через стекло осеннее солнце. Недалеко по железной дороге прошёл длинный грузовой

состав. Вдоль обочины стояли голые деревья. Коля постарался о доме больше не думать. Он прикрыл глаза и начал вспоминать свою поездку этим летом в Челябинск. Туда ездил он поступать в юридический техникум, но по конкурсу не прошёл. На обратном пути в поезде познакомился с Верой. За двое суток пути они сдружились. Коле она понравилась. Он несколько раз ездил к ней в город. Вера, похоже, была тоже к нему равнодушна. Но при последней встрече она повела себя как-то странно. У него была уже на руках повестка в армию. Он хотел серьёзно поговорить с Верой, но она почему-то уходила от разговора. Да и её подруга постоянно находилась рядом. Когда всё-таки Коля нашёл удобный момент и попытался обнять Веру, та легко оттолкнула его и сказала:

— У нас, Коля, с тобой ничего не получится. Ты мне нравишься, но ждать тебя из армии я не собираюсь. А что за два года произойдёт, никто не знает.

Расстались они холодно. Прошёл почти месяц, но не было дня, чтобы Коля о ней не думал. Вот и сейчас она возникла в его воображении в своём цветастом выше колен платье, в короткой, под мальчишку, причёске, со смешинкой в голубых глазах. Так, с мыслью о ней он задремал и проснулся, когда автобусы уже въехали в город. Через полчаса медленной езды и коротких

остановок у светофоров завернули в тихий тенистый переулок и остановились у ворот с привычной красной звездой посередине и будкой для охраны. Справа высилось трёхэтажное здание областного военкомата, впереди, за забором, одноэтажная казарма для призывников.

Быстро выгрузились. Снова всех построили в две шеренги, проверили по списку и провели через ворота во двор военкомата, оттуда к казарме. Здание казармы было старым и давно не ремонтировалось. Внутри, вдоль широкого прохода, были сколочены самые обыкновенные двухярусные нары. Половина из них была уже занята. Стали располагаться на свободных местах. Коля со своими друзьями нашли места поближе к выходу. Здесь было прохладно, но зато воздух был посвежее. Коля бросил на нары со стороны головы свой маленький чемоданчик, расстелил прихваченную из дома новую телогрейку. Одежд не было. Видно, ночью все спали одетыми.

— Как долго нас здесь продержат? — спросил, ни к кому не обращаясь, Андрей.

— Я думаю, день — два и нас уже отправят, — предположил Виктор.

С верхнего яруса свесилась лохматая, давно не мытая, голова.

— Ты думаешь неверно. Я здесь уже неделю загораю, — зло проговорила голова и закончила

свое предложение трёхэтажным матом.

— Откуда ты? — спросил Коля.

— Из Лугового. Вы — Чуйские? Сразу видно. Половина блатных и обкуренных.

— Эй, осторожнее с комментариями, — вмешался кто-то снизу, — Чуйских лучше не задевай.

Голова ничего не ответила и исчезла.

Обедали в столовой, которая находилась здесь же на территории военкомата. Обед был недорогой. Буфетчица предупредила, что столовая обслуживает только в обед. Коля с друзьями купили на троих булку хлеба, кусок колбасы и несколько бутылок лимонада.

Остаток дня был скучным и длинным. Андрей спал. Коля с Витей обошли всю территорию военкомата, не обнаружили ничего интересного, и вернулись к казарме. У пожарной бочки, где было больше окурков, чем воды, постоянно толпились курящие. Здесь знакомились, заводили откровенные разговоры, рассказывали анекдоты или же начинались ссоры. Пока было спокойно. Какой-то, кавказского типа, молодой человек рассказывал про своё ночное приключение.

— Знаешь, да, она мне сказала, что живёт недалеко. Я пошёл с ней. Завела куда-то. Улица без света, дома маленькие, темно и ничего не видно. — Он затянулся папиросой, с шиком выпустил дым

через нос, сплюнул и продолжил: — Я ей сказал, двадцать рублей дам. Думал прямо в парке на скамейке, а она сказала, что живёт недалеко. Зараза. Пришли к дому, вошли во двор, меня сразу кто-то чем-то стукнул. Думал, голова лопнет. Упал. Хотел встать, а меня пинком два раза в живот. Потом чей-то голос сказал: «Лежи, а то прикончим». Вытащили из кармана деньги. Двести рублей было, — он опять сплюнул и заматерился, — все забрали. Потом тихо стало. В доме свет включился. Я встал. Из дома старуха вышла. Я спросил, где девушка, а та мне говорит, что живёт в доме только с дедом и что я уже не первый в этом дворе оказался. Брат сегодня приедет. Деньги привезёт. Пойдём ночью в парк. Найду эту бабу, клянусь матерью, зарежу.

Многие еле сдерживали смех, некоторые засмеялись.

— Чего смеёшься. Вам смешно, а меня чуть не убили. Сегодня пойду в парк, и если не отправят, завтра тоже. Честное слово, найду — убью её.

— Смотри, как бы тебе самому пику в бок не всадили, — сказал кто-то приклатнённым голосом.

— Слушай, Али, а как ты в армию попал? Денег не хватило откупиться? — спросили из толпы.

— Нас семеро братьев в семье. Отец сказал, кто хорошо будет учиться, тому поможет в

институт поступить, а кто плохо, тому помогать не будет. Четверо братьев уже учатся в институтах, а я почти в каждом классе по два года сидел. После седьмого пошёл в колхоз работать. Повестка пришла, отец сказал, иди, послужи, может быть, поумнеешь.

Вокруг опять засмеялись.

Вышел из казармы Андрей. Поискал глазами своих друзей, увидел их возле курилки, и двинулся к ним.

— Что тут нового рассказывают? — спросил он.

— Ничего особенного.

Человек с блатным голосом начал рассказывать анекдоты. Он умел рассказывать, и после каждого анекдота толпа вокруг взрывалась громким смехом. И, как обычно бывает, очередной анекдот вызывал в памяти какой-нибудь другой. После нескольких анекдотов толпа смеялась даже над неумело рассказанным, безвкусным анекдотом.

Через полчаса кто-то спросил блатного:

— Слушай, блатной, сколько ты анекдотов знаешь?

— Спорим, я буду целый час рассказывать без перерыва и ни одного анекдота не повторю.

— С тобой спорить, себе дороже, — ответил кто-то из толпы.

Коля был уже сыт анекдотами. Он пошёл в

казарму и лёг на своё место. От туалетов в другом конце казармы сквозняком приносило запах мочи и хозяйственного мыла. Рядом на нарах кто-то рассказывал про медкомиссию. Напротив, через проход, играли в карты. Коля закрыл глаза и попытался заснуть. От выпитого ещё утром вина побаливала голова и сушило во рту. Он начал вспоминать свою поездку в Челябинск и первую встречу в вагоне с Верой. Она возникла в его воображении такой, какой он увидел её в первый раз. Усталую от дороги и от жары, в тоненьком, чуть ли не в прозрачном платье, с торчащими остренькими грудями, пухлыми, ярко-красными губами, в сандалиях на босу ногу. Было приятно её вспоминать. Голова перестала болеть, и он задремал.

Проснулся он от грубого толчка.

— Вставай, уже вечер.

Рядом на нарах сидели Андрей и Виктор. Перед ними на расстеленной газете лежала нарезанная колбаса и сало, наломанный кусками хлеб и бутылка вина.

— Откуда вино? — спросил Коля.

— Тут, оказывается, есть дырка в заборе. Через неё можно в город выйти, — сказал Андрей, — Попозже пойдём, пошляемся по городу.

Он открыл бутылку. Откуда-то взялись два стакана. Сначала выпили Андрей и Виктор. Коля

отказался от вина.

— Эй, там, из Лугового, — ткнул кулаком в перекладину верхних нар Андрей, — выпить хочешь?

Лохматая голова свесилась сверху.

— Что пьёте?

— Вермут.

— Налей полстакана.

Лохматый прыгнул на пол, присел с краю на нары, опрокинул содержимое стакана в рот, и закусил куском сала.

— Ты уже областную комиссию прошёл? — спросил его Андрей.

— Да.

— А почему тебя так долго держат здесь?

— Не знаю. У меня на яйцах какая-то краснота пошла. Взяли анализы. Теперь, наверное, ждут результатов. Отпустили бы домой, гады.

— Из-за чего яйца покраснели? Вроде не пасха, — со смехом спросил Виктор.

— Тебе смешно, б..., а я здесь загораю. И чешется это место сильно. Невозможно иногда терпеть.

— Слушай, может быть, ты заразный, а мы сидим и базарим с тобой? — спросил Андрей.

— Не бойся, не трипер и не сифилис, а то уже давно в больницу отправили бы. Врач сказал, на нервной почве.

— Ты смотри, земляк, если у меня где-нибудь зачесется, голову тебе оторву.

Лохматый встал, почесал рукой в паху.

— Ну ладно, спасибо за вино, пойду, посмотрю, что во дворе делается.

Коля налил в стакан из-под вина лимонад, взял кусок колбасы и стал кушать. Его товарищи допили вино, закусили и начали вспоминать свои школьные годы.

На улице стало темно. Казарма не топилась, и постепенно становилось прохладно. Андрей предложил:

— Пойдёмте, прошвырнёмся по городу.

Дыру в заборе нашли быстро. Вышли в какой-то тёмный переулок, по видневшимся неоновым рекламам на высотных домах определились, куда идти, и через две улицы вышли на широкий проспект. Здесь жизнь была ключом. Ещё не было восьми, и магазины были открыты. Зашли в гастроном, купили бутылку вина и тут же недалеко от него в скверике опустошили её. Коля сделал только два глотка, остальное выпили Андрей с Виктором. Оба захмелели.

— Пошли в парк, — сказал Андрей.

— Я в парк не пойду, — ответил ему Коля. — Ты же, как выпьешь, сразу приключений ищешь. Посидим здесь в сквере или по проспекту погуляем. Только без глупых реплик.

— Ты чего, боишься в парк идти? И потом, не учи меня, как мне себя вести. Без учёных обойдёмся. Пошли Виктор со мной.

— Не пойду. Я тебя знаю, с тобой ещё в милицию залетишь.

— Эй, что такое? — начал злиться Андрей.

Коля встал со скамейки.

— Да ну тебя, — сказал он и направился из сквера к проспекту.

— Стой! — крикнул Андрей. — Ты так просто не уйдёшь. Лучше всех, что ли?

Язык его уже сильно заплетался. Он догнал Колю и схватил его за куртку. Проходивший мимо мужчина средних лет остановился и спросил:

— Вы чего, драться затеяли, что ли? Милицию позвать?

— Да пошёл ты..., — грубым матом ответил ему Андрей.

Мужчина круто развернулся, сделал два шага к Андрею, и со всего размаха въехал ему кулаком в лицо. Андрей стал падать. Колина куртка затрещала по швам.

— Ты что делаешь, мужик?! — крикнул наблюдавший всю эту сцену Виктор.

Но мужчина уже исчез вместе с потоком идущих по проспекту людей. Андрей, ударившийся головой о дерево, лежал на земле и бессмысленно смотрел на своих друзей. Из носа и из опухшей

губы сочилась кровь и капала ему на рубаху. Коля присел возле него на корточки, вынул из кармана помятый носовой платок и стал вытирать с лица кровь. То ли от прикосновения Колиных рук, то ли от боли, Андрей пришёл в себя. Он оттолкнулся ладонями от земли, приподнялся, ухватился руками за дерево и с трудом встал.

— Что это было? Что это было? Кто это был?

Андрей не мог понять, что с ним случилось. Коля взял его под руку.

— Пошли в казарму.

— Кто меня ударил? — вспомнив что-то, стал вырываться Андрей, — Кто это был?

Коля держал его. Подбежал Виктор и тоже ухватился за Андрея.

— Пошли, Андрей, отсюда, — сказал Коля, — дождёмся, что кто-нибудь милицию вызовет.

Он и Виктор повели вдруг ослабевшего Андрея к военкомату. Его развезло и мотало в разные стороны. Прохожие обходили их стороной. Коля был рад, когда они, наконец, свернули в глухой переулок, который вёл к забору военкомата. В казарме они с трудом уложили Андрея на нары. Тот пытался что-то говорить, матерился, а потом затих и захрапел. На его лице запеклась кровь, верхняя губа и нос распухли. Сверху лохматая голова снова свесилась вниз и спросила:

— Где это он успел схлопотать?

— Не твоё дело, — ответил Виктор.

Голова опять исчезла.

Утром рано объявили подъём. Несколько солдат во главе со старшиной чуть ли не силой выгоняли призывников на плац и строили их в два ряда. Когда казарма опустела, и все непричёсанные и неумытые призывники стояли в рядах, из здания областного военкомата вышел старший лейтенант и несколько милиционеров. Старший лейтенант стал проверять по списку наличие призывников. На несколько названных фамилий он не получил ответа и, записав что-то на листке, передал его милиционерам, которые сразу же вошли снова в военкомат. Старший лейтенант захлопнул папку со списком.

— Вы, б..., когда уходите в самоволку в город, ведите себя по-людски, — сказал он громко и со злостью в голосе. — Ночью в парке девушку изнасиловали. В милиции подозревают, что кто-то из призывников был. Дураки.

Он подождал, когда стихнет вызванный его словами шум, и продолжил:

— Кто не прошёл ещё областную медкомиссию, пройдёт её сегодня. У дверей не толпиться. Каждого вызовут.

Старший лейтенант ушёл. Призывники стали расходиться. Кто пошёл досыпать, кто умываться, большая толпа собралась у места для курения. День

намечался прохладный и хмурый. С севера на город напоздали чёрные тучи, обещавшие дождь. Прорвавшийся мимо многоэтажных домов ветер приносил запах сырости и прелых листьев.

Коля, вернувшись в казарму, улёгся на своё место, надеясь ещё поспать. Пришёл из туалета Андрей. Опухоль на его лице немного спала, но всё равно нос был ещё припухший, и рассечённая верхняя губа торчала кверху.

— Зараза, болит, — сказал он, ощупывая пальцами губу и нос.

Виктор открыл сумку с продуктами и стал выкладывать оставшуюся со вчерашнего ужина колбасу и хлеб на газету.

— Давайте перекусим. Старший из нашего военкомата сказал, что наш район пойдёт на медкомиссию после одиннадцати часов. — Он сделал паузу, повертел в руках одну единственную бутылку лимонада. — Мало на троих. Эх, чайку бы горячего.

— Я бы с удовольствием сейчас похмелился, — подхватил Андрей.

Коля засмеялся.

— Тебе было мало вчера? Пьёшь и меры не знаешь.

— Заткнись, что ты докопался до меня? — вдруг взорвался Андрей. — Хватит, наверное, меня учить.

— Да ладно, делай что хочешь. Мне то что, — Коля взял колбасу и откусил от неё большой кусок, — пойду, наберу воды.

Он взял с собой пустую бутылку и вышел во двор, где недалеко от крыльца бежала из крана холодная вода.

В одиннадцать часов друзья стояли у дверей медкомиссии и ждали своей очереди. Вызывали из списка по алфавиту. С первой партией вызванных ушли Андрей и Виктор, а Коле, со своей немецкой фамилией Шатен, пришлось долго ждать. Наконец, прозвучала его фамилия и, как всегда, перепутали ударение. В помещении областной медкомиссии было прохладно. Раздевшийся до трусов Коля сразу замёрз, кожа покрылась пупырышками. Началась знакомая по райвоенкомату процедура: измерили рост, объём груди, поставили на весы, заставили несколько раз присесть. В одном кабинете пришлось снять трусы, повернуться к врачу задом и нагнуться. В последнем кабинете ответил на вопросы комиссии, сидевшей за длинным полированным столом и, наконец, совсем замёрзший Коля, возвратился в раздевалку.

Друзья ждали возле курилки. Андрей курил, а Витя кидал камешками в пожарную бочку.

— Ну, что, всё на месте? — спросил Андрей.

— На месте, — Коля сел на полусломанную скамейку, поднял с земли пару маленьких камней и

начал тоже забрасывать их в бочку.

Небо совсем затянулось, и начали падать первые капли дождя. Витя встал, кинул жменю камней в бочку, те, ударившись, со звоном разлетелись в разные стороны.

— Пошли, поиграем в карты до обеда.

Дождь вдруг пошёл сильнее. Толпа у курилки сразу же разошлась. В казарме сталолюдно и шумно. Друзья до обеда забавлялись картами. В столовую пришлось идти под морозящим холодным дождём. Быстро проглотили обед, и опять началась прежняя скукота. Дождь на улице шёл то сильнее, то медленнее. К тому же, шквалом налетал ветер и приносил с собой запах снега. Видимо, где-то выпал снег. В город при такой погоде идти не хотелось. Сразу после обеда вызвали по списку человек двадцать и увезли куда-то на автобусе. До вечера увезли ещё несколько групп. И всё равно в казарме ещё оставалось человек сто. Из-за плохой погоды почти все находились в помещении. Коля, которому надоело играть в карты, лёг раньше спать и спал до утра как убитый.

Рано утром прозвучала команда «Подъём». Призывники вставали нехотя. Многие не реагировали на команду и продолжали спать. Несколько солдат вошли в казарму и стали просто-напросто стягивать спящих с нар на пол. В

одном месте кто-то грубо заматерился, кто-то свалился с нар, слышалась возня. В ту сторону поспешили солдаты и через минуту оттуда выскочил парень с блатным голосом. Он на ходу натягивал на себя рубаху и кричал:

— Скотины, б...!

— Заткнись, — сказал ему вслед сержант. — Будешь много болтать — морду разобью. Подожди, я тебе устрою хорошую жизнь.

Постепенно все оделись, умылись и сидели на своих местах в ожидании. Солдаты у дверей никого на улицу не выпускали. За окном по-прежнему моросил мелкий дождь, переходящий иногда в снежную крупу. Ночью был снег. Он лежал под деревьями и на кустах и таял, сжираемый дождём. Исчезли последние листья с деревьев. Серое и холодное утро нагоняло тоску.

— Выходить с вещами, строиться! — крикнул в глубину казармы вошедший с улицы незнакомый капитан.

Призывники нехотя потянулись из казармы на плац. Постепенно на плацу вытянулись две шеренги разношёрстных людей. Кто в рубашке, кто в телогрейке, кто в модной куртке или в тёплом пальто. У ног стояли чемоданы, сумки, рюкзаки. Капитан скомандовал: «Равняйся, смирно» и сразу крикнул: «Вольно!». Никто его команды не выполнял. Капитан отступил под козырек крыльца,

вытащил список и стал называть фамилии. Когда кто-то ответил из шеренги «Я здесь», он заматерился и зло крикнул:

— Отвечать только «Я», болваны.

Когда весь список был прочитан, капитан сказал что-то рядом стоявшему сержанту. Тот побежал к воротам и открыл их настеж. Из здания военкомата вышли ещё человек пять солдат. Они сгрудились у ворот. Капитан скомандовал: «Налево!», и когда, в конце концов, все развернулись в сторону ворот, дал команду: «Шагом марш!». Колонна медленно потянулась с плаца через ворота на прилегающую к военкомату улицу. Солдаты распределились вдоль колонны. Двое из них прошли в голову колонны, развернули красные флажки, и повели колонну за собой. Серое хмурое небо, морозящее над головой, и неизвестность давили на настроение. Никто не шутил и не разговаривал. Коля спросил идущего рядом с ним солдата:

— Куда нас повезут?

Тот презрительно посмотрел в его сторону, ничего не ответил, прибавил шаг и ушёл немного вперёд.

— Гонят, как стадо баранов, неизвестно куда, — зло проговорил идущий рядом Витя.

Блатной, оказавшийся в их шеренге, сказал:

— Нас ведут к вокзалу.

На нём сверху была одета только рубашка. Она отсырела, и он мёрз, но не подавал вида. Минут через сорок показался вокзал. Вдоль колонны быстро прошёл капитан, на ходу бросая: «Подтянуться, подтянуться!». Увидев вокзал, призывники пошли веселее и скоро вся колонна втянулась на перрон, в конце которого стояли четыре пассажирских вагона. Колонну подвели к этим вагонам. Возле каждого из них стояли по два солдата. Капитан скомандовал: «В вагоны по одному заходить» и началась посадка. Постепенно колонна рассосалась по трём вагонам. В четвёртом вагоне была, по-видимому, кухня. Оттуда несло дымом и подгорелой кашей. На перроне под морозящим дождем остались стоять капитан, несколько солдат и железнодорожник с повязкой на рукаве. Капитан что-то сказал железнодорожнику, и тот ушёл. Офицер с солдатами тоже вошли в вагон, где была кухня. На перроне стало пусто.

Коля с друзьями заняли места недалеко от входа. Вместе с ними оказался блатной. Он замёрз, губы его посинели.

— Ты почему в одной рубашке? Где твоя куртка? — спросил его Андрей.

— Да я же думал, что нас быстро отправят. Я с прошлой недели здесь. Когда уезжал из дома, было же совсем ещё тепло. Вот зараза. Кто знал, что больше недели здесь просижу.

Андрей открыл свой маленький чемоданчик и вытащил оттуда тёплый пуловер.

— На, одевай, а то простынешь.

— Спасибо.

Блатной взял пуловер и сразу надел его на себя.

Вагоны вдруг дёрнулись и тронулись с места. Немного погодя их подцепили к стоявшему на путях составу, и после небольшой паузы состав с вагонами стал медленно набирать скорость. Остался в стороне вокзал, многоэтажные дома центра, тенистые улицы частной застройки, пригородный посёлок и, наконец, поезд вырвался в степной простор.

Через проход, на боковых местах сидели два незнакомых парня.

— Откуда вы? — спросил их Виктор.

— Я, Чапаевский, из Чуйского района, — ответил один из них.

Он был низкого роста, белобрысый, голубые глаза насмешливо смотрели на спросившего.

Второй парень был худой и длинный. Его продолговатое лицо было хмурым, в тусклых глазах стоял постоянный вопрос и от всей этой суматохи он был в растерянности.

— Я, тракторист из колхоза «Путь Ленина», моя фамилия Шнур, — сказал он, картавя, и густо покраснел.

— Ясно, колхозник, — протянул насмешливо блатной.

Он подмигнул сидевшим напротив него Коле с Виктором, и сказал Шнуру:

— Ты знаешь, что с того момента, как нас призвали в армию, мы должны соблюдать армейскую дисциплину?

— Ну и что?

— Как, ну и что, не знаешь, что ли, что по Уставу любой военный объект должен охраняться. А у нас в вагоне, видишь, никакой охраны. Это непорядок.

Шнур непонимающе смотрел на блатного. Тот достал из своего тощего рюкзака кусок колбасы, бутылку вина и стакан.

— Вот, сейчас мы будем завтракать, — совершенно серьёзно продолжал он, — а ты первый из нас пойдёшь охранять вагон. Будешь в тамбуре охрану нести. Через час тебя кто-нибудь сменит. Давай, иди.

— Вы что, серьёзно, что ли? — придурковато хлопая глазами, спросил Шнур.

В разговор вмешался парень из Чапаева:

— Ты делай, что тебе говорят. Армия — это не гражданка. Порядок должен быть. Одень только куртку, в тамбуре холодно.

Шнур непонимающе посмотрел вдоль прохода. В соседних купе каждый был занят своим

делом. Те, кто слышал разговор, старались сдерживать смех, сохраняли серьёзный вид, или же отводили глаза.

— Ну ладно, пойду, не забудьте сменить, — протянул Шнур, взял свою куртку и нехотя пошел в конец вагона.

Когда за ним захлопнулась дверь в тамбур, блатной сказал:

— Давайте обмоем отправление.

Он налил полстакана вина и протянул его парню из Чапаева.

— Как звать?

— Владислав, Слава, — ответил тот, выпил вино и, отломив кусок колбасы, закусил.

Вина хватило как раз на пятерых. Коля тоже выпил сто грамм.

— Эх, ещё бы где-нибудь пузырёк достать, — мечтательно проговорил Андрей.

Из соседнего купе выглянула лысая голова. Грубый прокуренный голос сказал:

— У проводника можно купить.

— Сколько берёт?

— За вино — трояк, бутылка водки — восемь рублей.

— Ну, и загинает он, — зло проговорил Андрей.

— Давайте скинемся на пузырёк водки, — предложил блатной.

Сложились. Получилось на два рубля больше, чем нужно.

— Оставим на следующий раз, — сказал блатной и положил два рубля в нагрудный карман рубашки.

Он же и пошёл к проводнику. Через пару минут вернулся назад. Бутылка водки была завернута в казённое полотенце.

— Чтобы посторонние не видели, — сказал блатной, ловко открывая бутылку.

Посторонних, похоже, в вагоне не было. В сторону служебного купе проводника зачастили гости. Оттуда они возвращались, счастливо улыбаясь и пряча, кто в полотенце, кто под полой куртки, вино или водку.

Блатной снова пустил стакан по кругу. Без хорошей закуски скоро все захмелели. Начался оживлённый разговор. Определённой темы не было. Перескакивали с одной на другую. Владислав из Чапаева рассказывал о своих проводах в армию:

— Гости разошлись поздно. Мы с друзьями вышли ночью пошляться. У нас в конце деревни землянка есть. Там старик со старухой, Панкратовы, живут, а напротив — Кожа, заведующий мастерской, свой новый дом построил. У него во дворе бричка и ишак стояли. Мы вывели осторожно бричку и ишака со двора, нашли две длинные широкие доски, затащили по ним бричку и

ишака на крышу землянки. Старик со старухой глуховатые оба, ничего не слышали. Утром, когда уезжал в военкомат, видел, как Кожа колхозным краном снимал своего ишака с крыши. Все село сбежалось на этот концерт смотреть.

Потом стали вспоминать школьные годы. Каждый старался рассказать самое интересное из его школьной жизни. Коля вспоминал:

— Я хорошо учился. По русскому языку и литературе у меня всегда были хорошие оценки. Я был редактором школьной газеты и часто приходилось допоздна с учителями школьную газету оформлять. Однажды остался я и новая учительница по литературе. Мы закончили газету, и она попросила проводить её домой. Возле своего дома она остановилась, взяла меня за руку и завела под дерево. Ночь была лунная, а под деревом было темно. Она неожиданно обняла меня и начала целовать. Честное слово, растерялся. Не знал, что делать. Вдруг собака залаяла. Дверь в доме открылась, её муж вышел на крыльцо и крикнул в темноту: «Соня, ты здесь, что ли?». Она меня отпустила, вышла из-под дерева и отвечает: «Толик — это я. Сейчас приду», и пошла в сторону дома. Я думал, от страха умру. А на следующий день она мимо проходит, как ни в чём не бывало. Строгая, не подступись. Я всё думаю, что было бы, если б муж не помешал.

— Дурак, растерялся, — развязно вставил блатной, — не знаешь, что ли, что нужно делать. Я б её не отпустил.

Перешли на тему о женщинах. Незаметно пролетело время. Поезд шёл, почти не останавливаясь. На коротких остановках выйти из вагонов всё равно было нельзя. Двери оставались замкнутыми. Уже после двух часов в вагон вдруг вошёл капитан и с ним два солдата и сержант. Замыкал шевствие Шнур. Его губы посинели, он трясся от холода. Капитан прошёл по проходу и остановился напротив замолчавших друзей.

— Кто тебя послал в охрану? — спросил он Шнура.

Тот ткнул пальцем в сторону блатного.

— Ты пойдёшь с нами, — сказал капитан блатному и, показав пальцем на несколько человек, добавил, — а вы — дежурные по кухне, разнесёте обед.

Увидев, что никто не отреагировал на его слова, он вдруг покраснел лицом и со злобой в голосе крикнул:

— И встать, когда с вами старший по званию разговаривает!

Он тут же неожиданно остыл и сказал стоявшему рядом с ним сержанту:

— Отведёшь их на кухню. Возьмёшь из других вагонов тоже по четыре человека.